

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ГОРСКИХ ЧАСТЕЙ БЕЛЫХ АРМИЙ ЮГА РОССИИ

С. Г. ШИЛОВА

Статья посвящена проблемам формирования офицерского корпуса в горских частях белых армий Юга России. Тема интересна тем, что, кроме Кавказской Туземной конной дивизии, так называемой Дикой дивизии, и национальных дивизий времен Гражданской войны в белых армиях Юга России, отечественная история не имела опыта формирования сугубо национальных частей. В советской армии такие части существовали номинально для пропагандистских целей. Офицерские кадры горских частей были крайне разнообразны по своему национальному, социальному, религиозному составу. К этому нужно прибавить и разность культур и традиций, однако это вовсе не мешало им сражаться в рядах белых армий.

За последние десять лет возник острый интерес к кавказской тематике. Много раз военные историки касались броской эпопеи Кавказской Туземной конной дивизии на фронтах Первой мировой войны. Прозванное современниками Дикой дивизией, воинское соединение оказалось боеспособным, хотя и с несколько специфическими чертами в области воинской дисциплины. После большевистского октябрьского переворота дивизия была расформирована в месте своего первоначального формирования, после чего частично возродилась в рядах Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР). Центральную роль в возрождении национальных формирований в белых армиях сыграли офицеры. Целью настоящего исследования является выявление специфики и методов формирования командного состава офицерского корпуса горских дивизий.

Современные историки особое внимание уделили офицерам, служившим в обычных номерных и «цветных»¹ полках белых армий, сражавшихся на фронтах Гражданской войны. За рамками трудов военных историков остались офицеры, служившие в так называемых туземных² полках, которые были незаслуженно пре-

¹ Номерной полк — войсковое подразделение тактического уровня, имеющее порядковый номер. «Цветными» полками называли «именные» части Добровольческой армии (Корниловские, Марковские, Дроздовские и Алексеевские), имеющие черно-красные, бело-черные, малиново-белые и бело-синие фуражки и погоны.

² «Туземными» частями в дореволюционной России и в белых армиях Юга России называли военные формирования, укомплектованные жителями горных районов Северного Кавказа, в отличие от частей, сформированных из казаков. К ним относились Кабардинская, Осетинская, Черкесская, Чеченская и собственно Туземная конные дивизии, а также полки и

даны забвению. В связи с этим необходимо выявить и проанализировать специфику офицерского состава именно горских дивизий белых армий Юга России.

В эмиграции было создано множество трудов, освещающих участие офицерства в Белом движении³. В отечественной историографии обращают на себя внимание обобщающие работы проф. С. В. Волкова «Русский офицерский корпус», «Трагедия русского офицерства»⁴, представляют немалый интерес и работы других историков⁵. Проф. С. В. Волкову принадлежит также исследование биографических данных о русском офицерстве⁶. Интересны биографические работы А. С. Кручинина⁷, С. В. Карпенко⁸ и др.

Однако об офицерах, командующих национальными воинскими частями, сведения так и не были собраны. За исключением некоторых статей⁹ не было предпринято комплексного изучения методов комплектования командного состава и военного строительства горских частей в белых армиях Юга России.

Прежде чем перейти к описанию офицерского корпуса национальных полков во время Гражданской войны, опишем процесс формирования его в Первой мировой войне. В ходе войны русский офицерский корпус сильно изменил свое лицо по сравнению с довоенным временем и был уже далеко не той сплоченной силой, которая обеспечивала внутреннюю и внешнюю безопасность страны на протяжении столетий. Изменения в численности и составе офицерства, вызванные годами войны, были огромны. Военные училища перешли на сокращенный курс обучения, и их выпускники, как офицеры военного времени, производились не в подпоручики, а в прапорщики. Кроме того, были открыты несколько десятков школ прапорщиков с таким же сроком обучения¹⁰.

другие части, укомплектованные горцами. Также слово «туземный» использовалось для того, чтобы отличить казачьи части от горских. Например, Кавказская Туземная конная дивизия состояла из горцев Северного Кавказа, а Кавказская конная дивизия — из казаков.

³ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 3 кн. М., 2003–2005; *Он же*. Старая армия. Офицеры. М., 2005; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 — ноябрь 1920). Ч. 1 // Белое дело. Берлин, 1928; Кн. 5; Кн. 6; Елисеев Ф. И. С Корниловским Конным. М., 2003.

⁴ См.: Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993; *Он же*. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

⁵ См.: Гагуев Р. Г. Белые армии Юга России: особенности источников комплектования и социального состава 1917–1920 гг. / Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России. М., 2006; Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд., доп. и перераб. М., 2006.

⁶ См.: Волков С. В. Офицеры Российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002; *Он же*. Белое движение // Энциклопедия Гражданской войны. М.; СПб., 2003.

⁷ См.: Кручинин А. С. Путь генерала Деникина // Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 3 кн. М.: Айрис-пресс, 2003–2005. С. 5–102.

⁸ См.: Карпенко С. В. Врангель. Последний Главком: роман-хроника. М., 2006.

⁹ См.: Кручинин А. С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999; *Он же*. Чеченская конная дивизия в Вооруженных Силах Юга России (1919–1920) // Третьи Военно-исторические чтения. СПб., 1993. Вып. 3. С. 30–33; Шилова С. Г. Черкесские формирования в составе Добровольческой армии (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. М., 2007. № 16. С. 244–251; Майсигов Д. С., Мурзабеков Г. А. Чеченский полк «Дикой дивизии». Назрань, 2009.

¹⁰ Подробнее см.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

К 1917 г. стал заметен дефицит кадровых военных. Наиболее распространенный тип довоенного офицера — потомственный военный, носящий погоны с десятилетнего возраста — пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности Престолу и Отечеству, — практически исчез. В кавалерии, к которой относилась и так называемая Дикая дивизия, положение складывалось намного лучше вследствие меньших потерь в этом роде войск. Соответствующие училища комплектовались все годы войны выпускниками кадетских корпусов в наибольшей степени¹¹. Последнее обстоятельство впоследствии очень ярко сказалось на поведении офицеров кавалерии во время Гражданской войны. Кавалерия составляла крайне незначительную часть армии, а национальные формирования и того меньше, однако кавалерийские части обладали высоким моральным духом и были намного боеспособнее пехотных частей. Офицеры гвардейской кавалерии и в конце войны представляли цвет российской аристократии, одни их титулы резали слух бредившим революционными идеями солдатам и радовали слух горцев, что привлекало офицеров.

С одной стороны, были офицеры, желающие служить исключительно в горских полках, с другой — офицеры, служившие там по причине собирания в горской части офицеров старого полка или по мобилизации. Причиной выбора именно горской части было отсутствие веры в солдата, слишком подорванной после революции, а офицерам (особенно молодым и энергичным) хотелось воевать, они были полны сил для борьбы и мести, военным мерещились конные атаки и глубокие рейды в тыл. К тому же, в национальных формированиях офицеру могли дать в командование часть без соблюдения субординации. В национальные части, где основной рядовой состав был укомплектован всадниками, уроженцами Северного Кавказа, привлекала также восточная романтика, молодым офицерам «поначалу все окружающее (в горской части. — С. III.) казалось новым и временами захватывающим»¹².

Офицерский состав горских партизанских частей в период с конца 1917 по начало 1919 г. в целом был однородным. В этот временной отрезок руководство боевыми операциями осуществлялось офицерами, служившими в Кавказской Туземной конной дивизии, которые оказались в отпуске, на отдыхе, пришли со своими частями в места формирования или по другим причинам находились в местах комплектования антибольшевистских частей. После занятия Добровольческой армией Северного Кавказа в офицерском составе горских частей были произведены кадровые перестановки. Это было вызвано целым рядом объективных причин.

Во-первых, изменения были вызваны увеличением численности горских формирований: в полки хлынули в большом количестве добровольцы и мобилизованные. В связи с этим обстоятельством были сформированы четыре национальные дивизии, не считая разрозненных по белым армиям Юга России отдельных горских частей различной численности, входивших в казачьи и номерные части, уже находящиеся на фронтах войны.

¹¹ См.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. С. 11.

¹² Де Витт Д. Чеченская конная дивизия. 1919 год // Звезда. 2005. №10. Интернет-ресурс: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=395>

Увеличение рядового состава потребовало от главного командования и увеличения командного состава, однако здесь возник ряд проблем. В полки были назначены офицеры, не имевшие навыка работы в горских частях (других не было). Если в Первую мировую войну главному командованию удавалось посылать (хоть и не всегда) в Дикую дивизию офицеров, знакомых с укладом горцев¹³, то в Гражданскую войну этот обычай был нарушен в связи с невозможностью его выполнения.

Во-вторых, позднее, в период активных боевых действий, ситуация осложнилась в связи с большими потерями в командном составе.

В горские части стали назначать офицеров по мобилизации из различных казачьих и кавалерийских полков, ранее не служивших в туземных частях и непривычных к их специфике. Ситуация осложнялась тем, что часть новоназначенных стремилась отправиться в возрождаемые полки императорской армии, которые во множестве формировались в виде отдельных ячеек внутри различных полков белых армий Юга России с надеждой развернуться со временем в свой полк. Такие ячейки старых полков долго формировались, затрудняя отправку на фронт. Это обстоятельство создавало большую текучесть кадрового состава, и офицеры и всадники¹⁴ не успевали привыкнуть друг к другу.

Таким образом, командованием не учитывался тот факт, что для туземных частей подходили не все офицеры (да и возможности такой не было). Первые бои Первой мировой войны выдвинули из рядов туземцев многих всадников, произведенных за отличия в прапорщики. В туземных конных полках из них оставались, однако, лишь принятые голосованием общества офицеров. Таким же голосованием решалось и принятие в полк новых офицеров, выпускаемых из военных училищ или желавших перевестись из других полков. Эта традиция была нарушена Гражданской войной, и офицеров стали назначать, в том числе и по мобилизации, практически без разбора.

На всем протяжении Гражданской войны наблюдалась текучесть офицерских кадров, которая была связана с непрекращающимися боевыми действиями. К тому же известно, что русские офицеры шли впереди своих солдат и сами вели подразделения в бой, в отличие, например, от западноевропейских, которые шли за колоннами солдат. Именно поэтому как в русских, так и в туземных частях была большая текучесть (из-за ранений и большой смертности) командного состава. Практически все офицеры были ранены, хотя бы по одному разу¹⁵.

Из-за недостатка офицерских кадров белое командование стало назначать командирами полков офицеров в чине ротмистра, что, впрочем, было характерным явлением в период Гражданской войны даже для «цветных» полков, в которых зачастую рядовой состав состоял из офицеров. В период с начала 1919 по ноябрь 1920 г. в полках, укомплектованных коренными народами Северного Кавказа, встречалось много гвардейских офицеров, которые очутились в национальных частях по разным причинам. На протяжении всей Гражданской войны

¹³ *Арсеньев А.* Воспоминания о службе в Кабардинском полку // Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на Юге России / Сост. С. В. Волков. М., 2002. С. 303.

¹⁴ Всадники — рядовые в горских кавалерийских частях.

¹⁵ См.: РГВА. Ф. 39701. Оп. 1. Д. 2. Л. 30–112.

главные командные должности занимали офицеры, закончившие Первую мировую войну в чинах полковников. Младший офицерский состав частично комплектовался из туземных корнетов и прапорщиков. Такая ситуация сохранилась на всех этапах участия туземных частей в становлении, развитии и закате белого движения на Юге России.

Офицерский состав горских подразделений, таких как Кабардинская, Черкесская, Осетинская, Чеченская конные дивизии, и других белых армий Юга России был крайне разнообразен по своему этническому, социальному и религиозному составу.

Многонациональность командного состава была одной из особенностей горских подразделений. Известно, что во время Первой мировой войны в составе так называемой Дикой дивизии были офицеры, принадлежащие, по крайней мере, к двум десяткам национальностей: французы (принц Наполеон Мюрат и полковник Бертен), два итальянских маркиза (братья Альбицци), поляк (князь Станислав Радзивилл) и персидский принц (Фазула-Мирза). Еще больше было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов¹⁶. Такое же этническое разнообразие сохранилось и внутри горских частей белых армий Юга России.

Офицерский состав Кабардинской конной дивизии включал в себя кабардинцев (генерал князь Н. Ф. Бекович-Черкасский, полковник З. Серебряков-Даутоков, генерал М. К. Анзоров и т. п.), русских (полковники кн. И. А. Кропоткин (позже генерал), Н. В. Шинкаренко, И. Н. Беликов) и др.

В составе Черкесской конной дивизии также встречаются офицеры из черкесов (из местных князей генерал-майор Султан Келеч-Гирей, полковник Султан Кадыр-Гирей, полковник Султан Адиль-Гирей). Из русских здесь служили полковники Адрианов¹⁷ и А. Д. Векилов. Младший офицерский состав также комплектовался из черкесов, принимавших участие в Первой мировой войне (ротмистр Султан Сагат-Гирей, корнеты Тугругов и Натырбов), и русских.

Офицерские кадры Чеченской конной дивизии по национальному составу сильно отличались от других горских подразделений. Офицеры-«туземцы» составляли здесь меньшинство командного состава, так как чеченские полки не имели своих национальных офицерских кадров. Чеченцами командовали полковники И. М. Кучевский, Н. Ф. О'Рем, А. П. Ревшин и др.

Командный состав Осетинской конной дивизии также был смешанным, здесь служили офицеры из осетин (полковники А. Г. Гутиев, К. Ш. Гуцунаев, Хабав), из русских (полковник Беликов, генерал-лейтенант Неводовский) и др.

Нередко случалось, что формирование новых конных полков было использовано офицерами регулярной кавалерии императорской армии для собирания при них «ячеек» своих однополчан в надежде на возрождение затем старых частей в виде самостоятельных боевых единиц. Так, при 1-м Чеченском полку собирались кадры 4-го уланского Харьковского, при 2-м — Крымского конного полка, при Кумыкском — 13-го драгунского Военного Ордена полка. Именно по

¹⁶ См.: *Опришко Л. О.* Кавказская конная дивизия 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик, 1999. С. 52.

¹⁷ Инициалы не указаны, т. к. по ним нет сведений.

этой причине в списках офицеров 1-го и 2-го Чеченских полков на 29 февраля 1920 г. преобладают русские фамилии¹⁸. Недостающий командный состав для Черкесской конной дивизии пополнялся таким же способом, за счет создания своих «ячеек» офицерами гвардейской кавалерии. Известно, что к концу октября 1918 г. в Добровольческой армии распоряжением высшего командования был сформирован Сводно-гвардейский полк. В этот полк вступили также некоторые офицеры гвардейской кавалерии (которых выделили из чинов гвардии Марковского полка). Однако большая часть гвардейской кавалерии (главным образом конногренадеры и уланы Его Величества) состояла в Запасном кавалерийском полку полковника В. С. Гершельмана и часть (кавалергарды и Конная гвардия) — в Черкесской конной дивизии¹⁹.

Офицерский корпус горских формирований был разнообразным не только по национальному составу, но и по социальному. В каждом национальном подразделении были офицеры, произведенные в Первую мировую войну из отличившихся всадников.

Офицеры Кабардинской конной дивизии происходили из различных социальных слоев, здесь были представители русского (князь генерал И. А. Кропоткин) и кабардинского (генерал Н. Ф. Бекович-Черкасский, полковник З. Серебряков-Даутоков, генерал М. К. Анзоров) дворянства, офицеры из казаков (полковник В. Гамалий).

Офицеры Черкесской конной дивизии также происходили из различных социальных слоев, видную часть составили представители местного дворянства (генерал-майор Султан Келеч-Гирей, полковник Султан Кадыр-Гирей, полковник Султан Адиль-Гирей и др.). Офицеры Чеченской и Осетинской конных дивизий также состояли из офицеров-дворян и выдвинувшихся в период Первой мировой войны всадников. Такое разнообразие, однако, не влияло на работу дивизий, по словам А. Арсеньева, одного из офицеров, служивших в национальных частях, «никому не приходило в голову считаться с национальностью или социальной принадлежностью, все чувствовали себя русскими офицерами, членами одной семьи»²⁰.

Командный состав осетинских частей по своему кадровому контингенту выделяется среди других горских частей белых армий. Это связано с тем, что сравнительно небольшой народ численностью около 130 тыс. человек в годы Первой мировой войны дал большое количество офицеров. В некоторых исторических исследованиях сообщается, что офицеров-осетин насчитывалось до трех тысяч, то есть почти каждый пятый мужчина призывного возраста²¹. Многие из этих офицеров продолжили службу в рядах белых армий Юга России. Немалое количество осетин-офицеров служило в казачьих, русских, а также чеченских и кумыкских частях. Например, генерал Э. М. Мистулов (казак из осетин), один из руководителей Терского восстания, в Первую мировую войну командовал каза-

¹⁸ См.: РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 30. Л. 170–170 об.

¹⁹ См.: Баумгартен А., Литвинов А. Кирасиры Ее Величества в Гражданской войне // Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе. М., 2002. С. 303.

²⁰ Арсеньев А. Указ. соч. С. 303.

²¹ См.: Осетия и осетины / Сост. К. Челехсаты. Владикавказ; СПб., 1994. С. 246.

чьей бригадой²². Части, находившиеся осенью 1918 г. под командой полковника К. К. Агоева (казак из осетин), генерал А. И. Деникин оценил как лучшие по стойкости и дисциплине войска²³. В конце марта 1920 г. генералом П. Н. Врангелем В. К. Агоев (казак из осетин, брат К. К. Агоева) был назначен командиром первой Терской казачьей дивизии при Кавказской армии. Большое количество офицеров служило в национальных частях.

Разнообразными были и религиозные взгляды офицеров, служивших в национальных частях. Большинство командного состава было православного вероисповедания, остальные — мусульманского. Стоит заметить, что разность религиозных взглядов не отражалась на службе и личных взаимоотношениях офицеров. Этническое и религиозное разномыслие в некотором смысле способствовало консолидации объединяющего начала и взаимопроникновению культур. Это подтверждалось в том числе и таким полковым обычаем Кабардинской конной дивизии. Одной из обязанностей адъютанта полка при общих обедах и ужинах в офицерском собрании было подсчитывать, сколько присутствует мусульман и сколько христиан. Если большинство за столом составляли мусульмане — все оставались в папахах, если христиане — папахи снимались²⁴. Большие мусульманские и православные праздники отмечались совместно всем подразделением. Всадникам и офицерам устраивались праздничные обеды и выдавалось денежное вознаграждение. Если праздник случался в период ведения активных боевых действий, то в разведку и сторожевое охранение шли те, кто этот праздник не отмечал.

Таким образом, многонациональность, поликонфессиональность офицерского корпуса способствовали взаимопроникновению, взаимопониманию культур, что способствовало межэтнической консолидации.

Офицеру нужно было учитывать особенности поведения горцев, которые требовали внимательного отношения к своим традициям, поэтому «отношения между офицерами и всадниками сильно отличались от таковых в регулярных частях, — вспоминал офицер Ингушского полка Анатолий Марков. — В горах не было никакого раболепства перед офицерами, они всегда сохраняли собственное достоинство и отнюдь не считали своих офицеров за господ — тем более за высшую расу»²⁵. Отношения в национальных частях между офицерами и горцами складывались как отношения между старшими и младшими на Северном Кавказе. Старшие учат младших, уважая их горское достоинство, младшие подчиняются старшим, их знаниям и авторитету.

Отношения офицеров с всадниками были своеобразны и не всегда укладывались в рамки воинского устава: в каждом горце глубоко заложено чувство собственного достоинства и гордости. Офицер, понимающий это, мог стать неограниченным повелителем своих подчиненных, и наоборот, относившийся к ним с пренебрежением терял безвозвратно весь свой авторитет. Также нужно было

²² См.: РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

²³ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 149.

²⁴ См.: Арсеньев А. Указ. соч. С. 304; Марков А. Л. В Ингушском конном полку // Эл.-ресурс: http://www.ingushetiya.ru.org/history/v_ingushskom_konnom_polku/.

²⁵ Марков А. Л. Там же.

быть внимательным к религиозным взглядам всадников и связанным с ними обычаям. Очень часто вестовой, следовавший в 5–6 шагах за офицером, начал вполголоса петь молитвы, и для офицера, незнакомого с характером полка, это казалось, конечно, нарушением всяких воинских правил. Однако малейшее замечание, а то и взыскание, не принесло бы никакой пользы и повредило бы ему самому²⁶. Подобные недоразумения случались не только между рядовыми и полковыми офицерами, но и между офицерами и главнокомандующими.

Любопытен случай, имевший место в Екатеринодаре в конце 1918 г., где произошла встреча главнокомандующего Добровольческой армией генерала А. И. Деникина с командующим кабардинским отрядом ротмистром З. Серебряковым-Даутоковым. При этой встрече генерал не подал ротмистру руки, что последним было расценено как неуважение, несмотря на то, что со стороны генерала это было лишь соблюдением субординации. Однако такой поступок был расценен горцем как личная обида — не подал руки только потому, что он только ротмистр, да еще какой-то там Дикой дивизии²⁷.

Для иллюстрации приведем еще два случая, произошедших с офицером А. Арсеньевым в первые дни его пребывания в Кабардинском конном полку Дикой дивизии еще во время Первой мировой войны. Первое, что его удивило, — это решительный отказ всадника его же взвода дать ему своего коня, и притом не собственного, а казенного, для поездки в штаб полка, всего за полторы версты. Этот случай был с тактом ликвидирован с помощью вахмистра: приказание было исполнено, и офицер получил коня, а всадник по возвращении офицера получил от него приличный подарок, сделанный в такой форме, что не мог задеть его самолюбия, и отношения остались наилучшими. Вот другое воспоминание о служебной исполнительности всадников-кабардинцев и понимании ими своих обязанностей. Во время своего дежурства по полку А. Арсеньев, проходя мимо денежного ящика и стоящего при нем часового, отдавшего ему честь, сделал шаг ближе и машинально протянул руки, чтобы убедиться в целостности печати, так как ему показалось, что она не в порядке. В то же мгновение над ним угрожающе сверкнула шашка часового, не говорившего по-русски, но твердо знавшего устав²⁸.

При командовании горскими частями офицерам нужно было учитывать культурные традиции всадников и то, что такие понятия, как долг, честь, у горцев основаны на кровной мести. Показателен случай, произошедший в конце 1919 г. Затерявшийся в заснеженной степи Черкесский эскадрон после выполнения задания искал место для ночлега. Найдя одинокую усадьбу, в окнах которой горел свет, два разведчика-квартирера постучали в дом и на вопрос хозяина: «Кто вы такие?» — в шутку ответили: «Мы красные!», после чего раздался выстрел, и один из черкесов упал мертвым, другой же позвал эскадрон. Однако в доме уже никого не было. Позже штаб-ротмистру С. Вакару, временно командующему этой частью, удалось выяснить, что в доме находился офицер белой

²⁶ См.: *Арсеньев А.* Воспоминания о службе в Кабардинском полку. С. 304–305.

²⁷ См.: *Елисеев Ф. И.* С Корниловским Конным. М., 2003. С. 438.

²⁸ См.: *Арсеньев А.* Указ. соч. С. 305.

армии, приехавший эвакуировать свою жену²⁹. Таким образом, неуместная в данном случае шутка квартирьеров (этот прием был характерен для всех частей и применялся для выяснения, кому сочувствует население данного пункта) привела к смерти одного из черкесов и могла привести к еще одной трагедии. Горцы оставались горцами, даже воюя на территории, заселенной русскими, привнося сюда свою самобытность, которую приходилось учитывать командованию во избежание возникновения различных эксцессов.

Офицерскому корпусу приходилось иметь в виду и своеобразное представление горцев о дисциплине, их особенности поведения в бою. Лучше всего подобные проблемы решали офицеры русской армии из местного Северо-Кавказского горского дворянства.

С некоторыми командующими у черкесов складывались дружественные, доверительные отношения. Так, полковник С. Г. Улагай (черкес), командир Черкесского отряда, находящегося в армии генерала В. Л. Покровского, заявил, что черкесы все до одного преданы и желают служить генералу Л. Г. Корнилову³⁰. Также черкесам очень понравился генерал С. Л. Марков, они попросились к нему, и с этого времени у него появился конвой из черкесов³¹ и Черкесский конный полк. Один из марковцев свидетельствовал: «Эти простодушные люди любили его за беззаветную храбрость, за сердечный, без высокомерия к ним подход, за заботу о них, за веселый нрав и справедливость. Поэтому черкесы всегда высоко ценили его похвалы, благодарности и по достоинству оценивали его взыскания, наказания и даже гнев. Случай, когда в походе генерал Марков плеткой выгнал в степь за грабеж одного черкеса с предупреждением: вернется — расстреляет, вызвал в них восхищение. Черкесы, как и все добровольцы, не только любили своего генерала, не только боялись, но и буквально обожествляли его и были самозабвенно преданы ему»³². Как видим, для черкесов особую роль в симпатии к начальству играла беззаветная личная храбрость и личный пример, а также работа о подопечных.

Таким образом, проблема подбора офицеров для туземных частей была очень сложной, так как своих национальных военных хорошо обученных кадров катастрофически не хватало, а у чеченцев их практически не было. Офицеры из других полков туда не стремились, так как приходилось очень долго адаптироваться к непривычному восточному этикету, чуждому языку (горцы в основной своей массе не знали русского языка, а понимали только слова команды), своеобразному понятию о дисциплине и неспособности вести позиционную войну. Все это крайне осложняло обучение и ведение боевых действий. Каждую секунду приходилось быть начеку.

Недисциплинированность представляла немало трудностей для командного состава, а недосмотр выливался в то, что горцы могли довести грабежами

²⁹ См.: *Вакар С.* Этюд из Гражданской войны // От Орла до Новороссийска/Сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2004. С. 456.

³⁰ См.: *Пауль С. М.* С Корниловым // Белое дело. М., 1993. С. 206.

³¹ См.: *Марковцы в Первом походе Добровольческой армии* // Первый Кубанский «Ледяной поход». М., 2001. С. 365.

³² *Павлов В. Е.* Первый поход Добровольческой армии // Марков и марковцы. М., 2001. С. 196.

местных жителей в районе своего расквартирования до поголовного восстания, как, например, было в населенном пункте Святой Крест. Офицер Ингушского конного полка вспоминал, что «при всяком удобном случае всадники норовили незаметно отделиться от полка с намерением утащить у жителей все, что плохо лежало. С этим командование боролось всеми мерами, вплоть до расстрела виновных, но... было очень трудно выветрить из ингушей их чисто азиатский взгляд на войну как на поход за добычей»³³.

Офицерские кадры горских частей были крайне разнообразны по своему национальному, социальному, религиозному составу. К этому нужно прибавить и разность культур и традиций, однако это вовсе не мешало им сражаться за Единую Неделимую Россию. Объединяющим фактором было, несомненно, и то, что большинство офицеров считало себя русскими офицерами, офицерами русской императорской армии и не делилось по национальностям, конфессиям и классам. Это единение помогло им создать антибольшевистские отряды, которые при первой же возможности присоединились к Добровольческой армии, с которой и прошли всю Гражданскую войну вплоть до эвакуации.

Ключевые слова: Белое движение, горские формирования, командный состав, национальные воинские формирования.

THE COMMAND STAFF OF THE MOUNTAINEER MILITARY UNITS OF THE WHITE ARMIES IN THE SOUTH OF RUSSIA

S. G. SHILOVA

The article deals with the problem of the officer corps formation in the mountaineer military units of the White armies in the south of Russia. Except for the Caucasian Native cavalry division, the so-called «Wild division», and national divisions in the White armies in the south of Russia during the Civil war — our domestic military history had no experience in the national military units formation. In the Soviet army such units existed only for propaganda purposes. The officers cadres of the mountaineer units were extremely various in their national, social and religious structures. Differences of cultures and traditions did not prevent people from combating side by side in the ranks of the White armies.

Keywords: White troops, mountaineer units, command staff, national military units.

³³ Марков А. Л. В Ингушском конном полку // Эл.-ресурс: http://www.ingushetiya.ru/history/v_ingushskom_konnom_polku/.